

№

АНТРАКТЪ

11.

Антрактъ выходитъ еженедѣльно. Цѣна годовому изданію (50 №№), съ доставкою на домъ, въ Москвѣ — 2 руб. сер.; полу-годовому — 1 руб. 50 коп. сер.; на три мѣсяца — 1 руб. сер. Для подписчиковъ же на театральныя афиши цѣна годовому изданію — 1 руб. сер. Подписка отъ иногородныхъ принимается только годовая и за пересылку въ другіе города прилагивается 1 руб. 50 коп. сер. въ годъ (всего 3 руб. 50 коп. сер.). Сроку подписки считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Подписка принимается еженедѣльно, отъ 9 часовъ утра до 3 часовъ вечера, въ конторѣ типографіи Императорскихъ московскихъ театровъ (Им. Им. Смирнова), на Никольской улицѣ, въ домъ графа Орлова-Давыдова, а во время спектаклей — и въ книжной лавкѣ, въ Большомъ театрѣ.

Содержаніе: Московскіе концерты (Концертъ г-жи Вальзекъ. 2-й концертъ итальянцевъ. Концертъ г-на Финочки. 3-й концертъ итальянцевъ. Концертъ съ живыми картинами гг. Шангина и Куканова. Комическій музыкальный вечеръ петербургскихъ французскихъ актеровъ). — Варшавскій театръ. — Театръ въ Рязани. — Театръ въ Твери. — Театръ въ Тамбовѣ. — Харьковскій театръ. — Повочеркассскій театръ. — Смьсь (Постановка *Бориса Годунова*. Новый балетъ на московской сценѣ. Предполагаемый репертуаръ антрепризы г-на Граціани. Новая опера. Новая піеса. Г-жи Зебахъ-Ниманъ и Гедвига Раабе. Пожаръ театра. Приглашеніе). — Отъ редакціи.

МОСКОВСКІЕ КОНЦЕРТЫ.

(Концертъ г-жи Вальзекъ. 2-й концертъ итальянцевъ. Концертъ г. Финочки. 3-й концертъ итальянцевъ. Концертъ съ живыми картинами гг. Шангина и Куканова. Комическій музыкальный вечеръ актеровъ петербургскаго французскаго театра).

Въ прошедшемъ году ученицы г-жи Вальзекъ въ первый разъ появились въ ея концертѣ. По этому случаю въ *Антрактѣ* было говорено и о прекрасной методѣ этой учительницы пѣнія и о тѣхъ благоприятныхъ результатахъ, которыхъ достигли ея ученицы подъ ея руководствомъ. И въ нынѣшнемъ году я съ удовольствіемъ могу повторить то, что было сказано въ прошедшемъ. И въ нынѣшнемъ году концертъ г-жи Вальзекъ съ ея ученицами, бывшій 7 марта въ маломъ залѣ благороднаго собранія, имѣлъ не тотъ холодный, форменный видъ, который господствуетъ въ большей части концертовъ, но казалось, что будто одна большая семья, или большой кружокъ хорошихъ знакомыхъ собрался въ залѣ. Хоръ, состоявшій изъ 23 хорошихъ голосовъ (въ афишѣ было объявлено 24, но 24-й голосъ въ концертѣ не явился), отличался своимъ достоинствомъ въ *Мотетъ* Мендельсона Бартольди (*Veni domine*) и въ хорѣ *Русалка* А. Рубинштейна. Основательность умѣнья учительницы и ясное, прочувствованное пониманіе ученицъ видны были въ исполненіи обоихъ хоровъ. *Русалку* Рубинштейна я слышалъ только въ первый разъ и по одному разу не могу вполне оцѣнить ее, почему и не скажу объ ней моего приговора, но за то совершенно опредѣленно могу высказаться о двухъ пѣсняхъ того же композитора (для сопрано или меццо сопрано и контральто) *Ночь* и *Свѣтитъ солнышко*, пропѣтыхъ г-жами Бошъ и Яфа. Обѣ эти пѣсни — образцовыя произведенія въ своемъ родѣ. Первая изъ нихъ, *Ночь*, проникнута элегическимъ спокойствіемъ; текстъ и музыка находятся въ тѣсномъ другъ съ другомъ соединеніи и мелодія и гармонія одинаково хороши въ ней. Обѣ пѣвицы передали эту пѣсню совершенно въ духѣ композиціи, съ трогательною простотою.

Другая пѣсня *Свѣтитъ солнышко* — чисто русскаго характера и въ настоящемъ народномъ стилѣ. Введеніе голосовъ прекрасно, а фортепианный аккомпаниментъ простъ и интересенъ. Пѣсня эта идетъ первые 20 тактовъ безъ аккомпанимента и къ похвалѣ молодыхъ пѣвицъ надо сказать, что ихъ голоса не были ниже ни на волосъ въ то время, какъ начинается аккомпаниментъ. Г-жа Вильдъ исполнила арію изъ *Свадьбы Фигаро* Моцарта (*Deh vieni non tardar*). У г-жи Вильдъ точно такъ же, какъ и у всѣхъ ученицъ г-жи Вальзекъ, — не только хорошей голосъ, но также и должная пониманіе и выраженіе исполняемыхъ пѣсней. Техника выработана, постановка голосовъ правильна, свободна, опредѣленна; незамѣтно никакого колебанія; каждая нота взята вѣрно; переходъ изъ одного тона въ другой совершается гладко, свободно, изящно; переводъ дыханія дѣлается правильно и искусно; наконецъ произношеніе словъ ясно и внятно; къ этой технической обработкѣ присоединяется правильное пониманіе и прочувствованное исполненіе. Г-жа Яфа пропѣла знаменитый речитативъ и арію изъ оперы *Жизнь за Царя*. «Бѣдный конь въ полѣ падъ». Это былъ довольно большой раскъ со стороны молодой пѣвицы и восторженное одобреніе, послѣдовавшее за исполненіемъ этой аріи, относилось, можетъ быть, столько же къ той смѣлости, съ которою юная пѣвица преодолѣла эту трудную арію, сколько и къ самому исполненію. Г-жа Яфа обладаетъ хорошимъ контральто, но голосъ ея еще слишкомъ вѣзень; это цвѣтокъ, который надо еще держать въ теплѣ, который надо еще охранять отъ всякаго грубаго прикосновенія, т. е., говоря яснѣе, надо еще очень беречь этотъ голосъ. Г-жа Бошъ пропѣла еще три аріи различныхъ родовъ: драматическую — *пѣснь Маргариты* Глинки, идиллическую — *Вечеръ* Моюшки (хотя не пользующуюся большою извѣстностью, но очень миленькую) и чисто-нѣмецкую — *Нестерпимыя* Шуберта. Всѣ эти три аріи пѣвица пропѣла хорошо. Музыкальный вечеръ г-жи Вальзекъ заключился дуэтомъ для двухъ фортепиано (*Вариаціи* Шумана), исполненнымъ гг. Рубинштейномъ и Дооромъ. Когда эти два артиста са-

дится за фортепиано, то можно смѣло быть увѣрену заранее, что они своимъ искусствомъ доставятъ полное наслажденіе.

Г. Косеманъ сыгралъ двѣ небольшія піэсы на виолончель: «Du bist die Ruhe» Шуберта и «Гарантеллу» своего сочиненія. Что мнѣ не понравилось въ его игрѣ, такъ это постоянное *тремоландо*. Присутствие этого тремоландо исключаетъ уже понятие о спокойствіи, а піэса называется *спокойствіемъ*. При томъ дрожащій тонъ тремоло—тонъ не чистый, не хорошій; онъ долженъ быть употребляемъ только иногда, мѣстами, для выраженія сдержанной страсти или сильнаго гнѣва, а тремолировать безъ цѣля—это уже ошибка. *Гарантелла*—небольшое каприччио, вѣчто въ родѣ Венеціанскаго каривала.

Энтузіазмъ публики былъ въ этотъ вечеръ неподдѣльный.

Второй концертъ итальянцевъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ, бывшій 8 марта, приготовилъ (не по примѣру ли концерта г. Шеньяна?) нѣ сколько сюрпризовъ. Такъ, вмѣсто объявленной на афишѣ аріи «I due Foscari», г-жа Перелли исполнила романсъ изъ оперы *Африканка*, пѣтый ею и въ первомъ концертѣ; вмѣсто объявленной аріи изъ ораторіи «Stabat mater», г. Граціани пропѣлъ какую-то арію, а была ли это арія изъ *Маріи де Росанъ*, или *Беатриче ди Тенда*, или изъ какой-нибудь другой подобной же посредственности—вѣдь это я думаю, для публики было рѣшительно все равно, потому что всѣ эти оперы на одну стать; важность заключалась въ томъ, что это не была арія изъ *Stabat mater*. Во второй части концерта г. Граціани опять пропѣлъ какую-то избитую, итальянскую, плачевную піэсу, которая доставила однако же неслышанное удовольствіе публикѣ. Впрочемъ у всякаго свой вкусъ. Г. Граціани въ своемъ итальянскомъ жанрѣ пропѣлъ превосходно, но еслибъ онъ въ этомъ жанрѣ пропѣлъ еще въ 10 разъ превосходнѣе и исполнилъ еще десятокъ подобныхъ арій, мнѣ все-таки этимъ онъ не доставилъ бы большаго удовольствія. Вѣдь время на подобную водянисто-сахарную музыку прошло, благодареніе Богу. Теперь требуютъ совершенно другой пищи. Г. Кальцолари пропѣлъ арію Оттавіо изъ *Донъ-Жуана* «Il mio tesoro in tanto» самымъ непростительнымъ образомъ; темпо этой аріи онъ ускорилъ, потому что у него въ голосѣ нѣтъ достаточной силы, чтобы вести звуки въ надлежащемъ, медленномъ темпо; чтобы скрыть эту слабость, онъ прибавлялъ неумѣстныя итальянскія украшенія. Это настоящій музыкальный грѣхъ и онъ былъ совершенъ подъ дирижированіемъ нѣмецкаго капельмейстера (итальянецъ Бавери—собственно нѣмецъ Bauer)! Грустно, очень грустно! Далѣе оркестръ сыгралъ въ первый разъ знаменитую *прелюдію* unissono изъ 5 акта оперы *Африканка*. Было слишкомъ мало спокойствія въ квартетѣ и четвертыя струны (G) слишкомъ скрипѣли. Аріэтта изъ той же оперы, пропѣтая г. Кальцолари, была конечно лучшимъ нумеромъ во всемъ концертѣ.

9 марта въ Большомъ театрѣ былъ концертъ г. Финокки съ участіемъ его земляковъ-итальян-

цевъ и теперешнихъ его товарищей, артистовъ московской русской оперы. Концертъ этотъ убѣдилъ меня, что если г-жа Перелли можетъ являться примадонною, то въ такомъ случаѣ и наши пѣвицы могутъ точно также быть поставлены въ ту же категорію, если-бы только каждая изъ нихъ понимала свое мѣсто на сценѣ и умѣла сдѣлать правильный выборъ піэсы для своего участія въ концертѣ. Зачѣмъ, напр., пропѣла г-жа Александрова избитую, невашедшую у ней достаточнаго выраженія арію «Grace! Grace!», да еще и на французскомъ языкѣ? Зачѣмъ она не выбрала лучше чего-нибудь изъ русскаго репертуара? Простое, непритязательное, чистое пѣніе г-жи Ивановой въ дуэтѣ «Прости меня, прости» (исполненномъ ею съ г. Николаевымъ), точно такъ-же, какъ и самая эта піэса, говорило гораздо болѣе сердцу, чѣмъ всѣ эти итальянскія вычурныя г-жи Перелли. А вѣдь г-жа Иванова получаетъ всего только 400 р. въ годъ въ то время, какъ г-жа Перелли за три концерта съ благотворительною цѣлю получаетъ 2000 руб. Концертнистъ, г. Финокки, очень прилежный, добросовѣстный пѣвецъ, которому я желаю отъ всего сердца хорошей выручки съ концерта, но и онъ долженъ также оставаться на своемъ мѣстѣ и не пѣть арій изъ *Новуходоносора*; это къ нему вовсе нейдетъ, но какъ втораго баса мы всегда готовы его слушать. Многие засмѣялись, когда у г. Николаева, во время исполненія имъ аріи изъ *Русалки*, сорвался голосъ. Отчего-же не смѣялись, когда тоже самое, только въ болѣе легкой степени случилось нѣсколько разъ съ г. Кальцолари? Онъ тоже срывался съ голоса, а ему все таки аплодировали. Я отнюдь не хочу сравнивать г. Николаева съ г. Кальцолари, но съ равнымъ безпристрастіемъ хочу относиться къ обоямъ пѣвцамъ. Новаго въ этотъ вечеръ итальянцы ничего не пропѣли. Объявленную, уже пѣтую въ предъидущемъ концертѣ итальянцевъ арію Пачини г-жа Опоре пропустила къ моему удовольствію. Вмѣсто объявленной увертюры изъ *Семипирамиды* была сыграна увертюра изъ *Волшебнаго стрѣлка*. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ печатаются афиши?

Въ третьемъ и послѣднемъ концертѣ съ участіемъ итальянскихъ артистовъ, бывшемъ 10 марта, терроръ въ высшихъ сферахъ театра, еще и въ предшествовавшихъ концертахъ дававшій себя чувствовать, достигъ высшей степени. Каждый нумеръ, даже самый незначительный, сопровождался неумѣренными аплодисментами, бесчисленными вызовами, громогласными требованіями повтореній, однимъ словомъ, ужаснѣшимъ шумомъ. Еще болѣе шума было въ то время, когда верхнія сферы потребовали повторенія увертюры къ *Вильгельму Телю*. Часть публики противилась этому требованію и такимъ образомъ добрыхъ 5 минутъ продолжался страшный шумъ. Крики, шиканье, хлопанье; наконецъ противники повторенія, послѣ сильнаго боя, одержали побѣду. Изъ трехъ итальянскихъ артистовъ публика всѣхъ болѣе полюбила г. Граціани. Энтузіазмъ при его пѣніи былъ всеобщій. Я не могу раздѣлить этаго восторга и долженъ остаться при

высказанномъ мною, что г. Граціани въ своемъ родѣ превосходитъ, но самый этотъ родъ устарѣлъ и отзывается искусственностью; при томъ въ пѣніи этого артиста господствуетъ сентиментальность, а не чувство. Развѣ можно назвать чувствомъ, когда онъ, напр., въ какойнибудь ферматѣ на гласную і въ словѣ felice повторяетъ это і разъ пять или шесть въ нѣжномъ тонѣ и поетъ такимъ образомъ: fe-li-i-i-i-se, или развѣ можно назвать это хорошею манерою, когда пѣвецъ, вокализируя, къ гласной присоединяетъ еще согласную и, вмѣсто la-a-a-a, поетъ: la-ha-ha-ha? Говорятъ-ли чтонибудь въ пользу высокаго музыкальнаго образования его безыскусныя кадэнцы? А въ forte развѣ нѣтъ у него недостатка въ звучности?

Какъ легкомысленно обходятся итальянцы съ серьезною музыкою, они это доказали въ квартетѣ изъ Stabat mater: «Sancta mater istud agas», который они исполняли съ чрезвычайной скоростью, и въ аріи Страделлы, темпо которой г. Кальцолари нарушилъ совершенно произвольно.

Самыя большія оваціи въ двухъ послѣднихъ концертахъ итальянцевъ достались на долю г-жи Оноре; на нее упалъ цѣлый дождь букетовъ и, кромѣ того, она получила дорогой подарокъ, вѣроятно отъ студентовъ, въ пользу недостаточныхъ товарищей которыхъ она пѣла бесплатно въ то время, какъ итальянцы, за свое участіе въ этихъ трехъ концертахъ, получили 7500 р. с. Театръ въ оба послѣдніе концерта итальянцевъ былъ освѣщенъ а giorno, что придавало залѣ еще болѣе великолѣпный видъ.

Что касается до инструментальной части концерта гг. Шангина и Куканова, бывшаго въ Большомъ театрѣ 12 марта, то на счетъ этаго я отсылаю моихъ читателей къ тому, что я уже сказалъ въ предыдущемъ № *Антракта* по поводу концерта г. Шеньяна, потому что программа оркестровыхъ пѣсъ была та же самая. Мы опять услышали и увертюру къ *Черному домию*, и увертюру къ *Лестокѣ*, и маршъ Леопольда Мейера (о которомъ я сказалъ, что нашъ оркестръ играетъ его 20 лѣтъ, а теперь могу прибавить: и играетъ плохо), и маршъ изъ *Аталы*, и *Камаринскую*. Ну, при такомъ однообразномъ выборѣ труда немного! И на концертной афишѣ гг. Куканова и Шангина стояла также просто *увертюра*: пусть слушатель самъ отгадываетъ какая именно эта увертюра. Живыя картины гг. Шангина и Куканова были также плохи, какъ и картины г. Шеньяна. Особенно неудачна была картина, названная *Львиный ровъ*. Вообще очень трудно и опасно ставить картины, въ которыхъ большія звѣри играютъ, такъ сказать, главныя роли; подобныя картины легко могутъ насмѣшить публику. Такъ львы въ картинѣ *Львиный ровъ* возбуждали больше смѣха, чѣмъ ужаса: одинъ левъ спокойно лежалъ на переднемъ планѣ картины и смотрѣлъ какъ бы съ удивленіемъ на стоящую на колѣнахъ спиною къ нему женщину; другой левъ точно какъ бы примѣрлялся вскочить на стоящаго тоже къ нему спиною мужчину. Да вопросъ: львы ли еще это были изображены? Въ картинѣ *Встрѣча ца-*

рицы, огромная, неудачно нарисованная масса, которая заслоняла всю средину картины и въ которой зритель обязанъ былъ видѣть верблюда, портитъ впечатлѣніе хорошей декорации. Картина *Высокое занятіе* (трубочистъ, сидящій на трубѣ) сопровождалась свистками и требованіями г. Николаева. Причина этой демонстраціи была слѣдующая. Какъ необходимый, обычный у насъ сюрпризъ, на креслахъ лежали контрафиши, на которыхъ значилось, что въ концертѣ гг. Куканова и Шангина, г. Николаевъ и Качаловъ, по внезапной болѣзни, участвовать не будутъ. Эти контрафиши вѣроятно были разложены только на креслахъ и по ломамъ и не достигли высшихъ сферъ театра. Поэтому зрители, сидѣвшіе наверху и также бесплатные, какъ и сидѣвшіе внизу, сочли себя обманутыми тѣмъ, что назначенный на афишѣ г. Николаевъ не пѣлъ, и начали громко его требовать. Впрочемъ покричали, по кричали и замолчали. Г. Радонежскій пропѣлъ половину аріи: *Vieni la mia vendetta* изъ оперы *Лукреція Борджиа* сътакимъ же спокойствіемъ духа, какъ будто бы онъ пѣлъ: «Одолжите мнѣ папироску». Г-жа Александрова пропѣла большую арію изъ *Волшебнаго стрѣлка* хорошо, но, по обыкновенію, не безъ излишества во вѣншемъ выраженіи. Театръ былъ очень пустъ. Концерты съ живыми картинами, кажется, отживаютъ свое время.

М. Эрлангеръ.

— Какой это смѣлый русскій народъ—говоритъ Иванъ Кузмичъ Подколесинъ.—Какъ?—спрашиваетъ его Агафья Тихоновна Купердягина.—А работники—отвѣчаетъ Подколесинъ.—Стоить на самой верхушкѣ... Я проходилъ мимо дома, такъ штукатурщикъ штукатуритъ и ничего не боится—Да-съ—готовъ повторить и я вмѣстѣ съ Агафьей Тихоновною—дѣйствительно смѣлый русскій народъ, а вотъ французы—такъ они еще смѣлѣе. Штукатурщикъ, смѣлости котораго дивился Иванъ Кузмичъ, все таки имѣлъ чтонибудь подъ собою, на чемъ онъ могъ довольно твердо держаться а вотъ французскіе актеры, дававшіе 13 марта въ московскомъ Маломъ театрѣ «Une grande soiree musicale bouffe», такъ эти захотѣли удержаться просто ни на чемъ, на мыльныхъ пузыряхъ. Пѣсы, исполнявшіяся ими въ этотъ «большой музыкальный комическій вечеръ» были ничто иное, какъ мыльные пузыри; онѣ являлись, блестя и лопались, не оставляя послѣ себя ничего. Скажу болѣе, большая часть этихъ пузырей не была даже очень красива, а иные изъ нихъ даже были несовѣмъ искусно пущены. Публика сначала было благосклонно отнеслась къ этой забавѣ пусканія мыльныхъ пузырей и аплодировала, но потомъ эти пузыри ей надоѣли и она начала шикать. А между тѣмъ сборъ былъ прекрасный, не смотря на значительно увеличенныя цѣны. Да, смѣлый народъ эти французы; нечего сказать, гораздо смѣлѣе русскихъ. Не думаю, что бы ктонибудь изъ русскихъ артистовъ рѣшился поѣхать въ столицу и, еще болѣе, въ столицу иностраннаго государства и въ ней пригласить публику на большой музыкальный комическій вечеръ, на которомъ и угостить ее такими мыльными пузы-

рямя (какими угостили Москву гг. Дьедоне, Тетарь, и Мовжань и г-жа Лотарь), какъ всё безъ исключенія нумера концерта этихъ артистовъ, всѣ эти водевильные куплеты почти безъ всякой соли, всѣ эти пѣсенки, сценны и пошурни, нисколько неинтересныя; я думаю, что ни одинъ русскій, имѣя такой голосъ, какой имѣетъ г. Манжань (или Манжеантъ, какъ писалось объ немъ въ публикаціяхъ), т. е. не имѣя почти никакого голоса, рѣшится сѣсть за фортепьяно и пѣть совершенно серьезно свои весьма пустынкія сочиненья даже на частномъ вечерѣ, не только что въ публичномъ концертѣ. Что касается до гг. Тетара и Дьедоне и г-жи Лотарь, то имъ нельзя отказать въ умѣнныи исполнить водевильные куплеты; для этого они имѣютъ и слухъ, и навыкъ, и нѣкоторую долю комизма и даже голосъ, но куплетъ хорошъ на своемъ мѣстѣ, въ водевилѣ, поддерживаемый надлежащей обстановкою и ситуаціею пѣсы, но цѣлый концертъ изъ водевильныхъ куплетовъ и подобныхъ имъ пѣсокъ для публики будетъ утомителенъ и можетъ скоро надоесть, какъ это и случилось въ концертѣ 13 марта. Разныя ариэтки изъ *Прекрасной Елены* и т. п., можетъ быть, и производятъ эффектъ въ цѣлыхъ пѣсахъ, но оторванныя отъ пѣсь и исполненныя отдѣльно, скучны, пусты и безынтересны. Поболѣе другихъ понравились публикѣ: дуэтъ кошекъ, промяуканный гг. Тетарь и хорошенькою г-жею Лотарь (подъ музыку Россени, который изъ мяуканья кота и кошки составилъ, разумѣется, въ шутку цѣлый дуэтъ), сатирическая фотографія «Le monde tel qu'il est», пропѣтая г. Дьедоне, «Тирольская», исполненная г-жею Лотарь, и нѣсколько остротъ, хотя и довольно пошлыхъ, въ сценѣ «Le chanteur cosmopolite», исполненной г. Тетаромъ.

В Родиславскій.

ВАРШАВСКІЙ ТЕАТРЪ.

Въ Москвѣ и Петербургѣ такъ высоко поставлено сценическое искусство, что всякое сравненіе въ этомъ случаѣ съ провинціей дѣлается невозможнымъ. Такая высота, по справедливости, приписывается правительству, которое ведетъ дѣло широко и, не жалѣя денегъ и другихъ привилегій, стягиваетъ въ столицы сильнѣйшіе таланты. Я не къ тому завелъ эту рѣчь, чтобъ входить въ какія бы то ни было разсужденія по сему предмету, а лишь хочу подготовить читателей къ тому, что варшавскій театръ, будучи казеннымъ, не только выше всѣхъ губернскихъ, но даже въ нѣкоторыхъ отрасляхъ искусства смѣло можетъ идти въ сравненіе съ императорскими, — почему, конечно, и заслуживаетъ полнаго вниманія.

Начну съ наружности. Между главными улицами, на площади, стоитъ прекрасное большое зданіе, вмѣщающее въ себѣ два театра: Большой (wielki teatr), для оперъ и балетовъ, и Малый (teatr rozmaitsci), для драматической труппы. Убранство въ обоихъ театрахъ довольно просто, такъ что, вмѣсто кресель, стоятъ длинныя скамейки, раздѣленныя на мѣста; но за всѣмъ тѣмъ помѣщеніе опрят-

но и вполне удобно, ибо со всѣхъ мѣстъ видно и слышно прекрасно. Великою Большой театръ, полагаю, равняется Михайловскому въ Петербургѣ, а Малый почти на половину меньше Большаго. Кроме двухъ театровъ, въ томъ же зданіи имѣются отдѣльныя залы для театральныхъ маскарадовъ, тоже убранныя пероскошно, но весьма прилично. — Не входя далѣе въ другія подробности о наружности театровъ, я считаю нелишнимъ (до разбора самой сути дѣла) сообщить нѣкоторыя особенности ихъ. Ранѣе всего бросается въ глаза цѣна мѣстъ. Впрочемъ въ Большомъ театрѣ она не особенно низка, но въ Маломъ достойна подражанія; такъ, напримѣръ, кресла первыхъ трехъ рядовъ по 1 р. 20 к., слѣдующіе три ряда по 1 р., потомъ по 75 к. и наконецъ задніе по 60 к., а раекъ всего на всего пятиалтынный. Въдѣ такая цѣна, при удобствѣ мѣстъ, была бы рѣдкостью даже въ губернскихъ театрахъ. Въ театральномъ маскарадѣ плата за входъ тоже дешевле нашего на половину. Потому нельзя не поблагодарить варшавскую дирекцію и за то снисхожденіе, что въ кассахъ раздаются афиши даромъ, а за храненіе верхняго платья ни въ какомъ ярусѣ не берется больше 10 коп. Наконецъ не заслуживаетъ ли также подражанія прекрасно правило, состоящее въ сборѣ денегъ на больницы? Размѣръ этого сбора таковъ: берущій ложу вносить, сверхъ ея стоимости, 10 к. сер., а идущій въ кресла или амфитеатръ платить 2½ к. Мнѣ кажется, такой сборъ, удовлетворяя гуманности, нигдѣ и никому не былъ бы обременителенъ.

При варшавскихъ театрахъ имѣются четыре постоянныхъ труппы: драматическая, балетная, итальянская и польская оперныя. — Я пересчиталъ ихъ въ томъ порядкѣ, какой сложился въ мѣстной публикѣ, при общикѣ каждой изъ нихъ. Мое личное мнѣніе не противорѣчатъ этому порядку, почему я и начинаю разсказъ съ польской драматической труппы (*русскою нтъ и не было*), которую смѣло ставлю на высоту нашей московской. Правда, я былъ только на двухъ спектакляхъ въ Маломъ театрѣ и не видалъ ни одной серьезной пѣсы; но, судя по медкимъ незначительнымъ комедіямъ и водевилямъ, болѣею частию французскимъ, я не затрудняюсь сдѣлать такое сравненіе, тѣмъ болѣе, что мнѣ удалось видѣть довольно забавную оригинальную четырехъактную комедію «Мщеніе за пограничную ограду» (*Zemsta za mur graniczny*), обставленную второклассными талантами и, за всѣмъ тѣмъ, разыгранную съ большимъ искусствомъ. Содержаніе этой комедіи заключается въ томъ, что два мирныхъ сосѣда, поссорившись изъ за каменной стѣны между ихъ домами, изыскиваютъ средства отомстить другъ другу. Одинъ изъ сосѣдей человекъ хитрый, съ иезуитскимъ характеромъ, пускается на бумажныя кляузы; другой же болѣе упрямый, нежели хитрый, желаетъ мстить прямѣе. И вотъ тутъ-то, между многими случаями, представляется наиудобнѣйшій для мщенія: сынъ перваго сосѣда влюбленъ въ дочь втораго и проситъ у своего отца позволенія жениться на ней; тотъ конечно отвѣчаетъ ему запрещеніемъ даже видѣться съ возлюбленною; тог-

да молодой человек украдкой является на свидание съ предметомъ своей страсти и, какъ варочно, попадаетъ на глаза врагу своего отца. Эта сцена очень комична своей неожиданной развязкой: отецъ молодой дѣвушки, вмѣсто того, чтобы разразиться гнѣвомъ, тащить любовниковъ въ церковь и вѣнчаютъ ихъ, въ полной увѣренности, что такая выходка будетъ самымъ сильнымъ мщеніемъ его врагу-сосѣду. После этого дѣло кончается общимъ миромъ и согласіемъ. — Мужскія роли въ комедіи очень выгодны и я рѣдко видалъ, чтобы актеры болѣе удачно пользовались каждой возможностью возвести свою роль въ живое лицо. Лучше всѣхъ былъ въ этой пьесѣ г. Хоминскій, игравшій вводное лицо неудачаго посредника между враждующими стариками и влюбленной молодежью. Положеніе этой трудливой и жадной до денегъ личности столь комично и г. Хоминскій такъ былъ искренно веселъ, что безъ смѣха не было возможности смотрѣть на него. Остальные актеры тоже играли прекрасно и положительно способствовали успѣху пьесы; въ особенности типиченъ былъ г. Рихтеръ, игравшій упрямого пана-сосѣда. — Вотъ по этой-то, повторяю, комедіи, обставленной не первыми знаменитостями, я легко соглашаюсь съ мнѣніемъ варшавскихъ театраловъ, утверждающихъ, что общій любимецъ г. Желковскій, такой талантъ, который, при знаніи другихъ европейскихъ языковъ, былъ бы на всякой сценѣ изъ первыхъ комиковъ и получалъ бы огромныя деньги; но теперь по неволѣ довольствуется четырьмя, пятью тысячами рублей въ годъ и живетъ въ одной Варшавѣ. Впрочемъ, едва ли самъ г. Желковскій очень скорбитъ объ этомъ, ибо когда онъ играетъ, никогда ни одного пустаго мѣста не бываетъ въ театрѣ и въ амплоиментахъ нѣтъ недостатка. При томъ же Варшава болѣе, чѣмъ радной городъ для г. Желковскаго, потому что и его отецъ много лѣтъ былъ также первымъ любимцемъ тамошней публики и ихъ фамилія вѣроятно поэтому популярнѣйшая въ польскомъ театральномъ мірѣ. Другая знаменитость г. Круликковскій считается по преимуществу драматическимъ актеромъ и пользуется всеобщей любовью публики. Я, сообщая о нихъ, высказываю чужое мнѣніе, ибо видѣлъ обо ихъ въ пустыхъ роляхъ и боюсь сказать что-либо, умаляющее ихъ достоинства. О женскомъ персоналѣ труппы тамошніе любители отзываються съ меньшей похвалой и не указываютъ ни одного яркаго таланта. И тутъ въ этомъ отзывѣ я ничего не измѣню, развѣ только прибавлю отъ себя, что всѣ видѣнныя мною актрисы исполняли свои роли весьма удовлетворительно и обходились почти безъ сфлера. Это послѣднее качество я замѣтилъ также и въ актерахъ, почему и заново оно, какъ достойное всякаго вниманія и одобренія, въ свою статью.

За симъ, сообщая далѣе о варшавскомъ театрѣ, я перехожу, по принятому мной порядку, къ препрославленному польскому балету. Тутъ мое личное мнѣніе разошлось съ мнѣніемъ мѣстныхъ балетомановъ, какъ и вообще съ мнѣніемъ всѣхъ тѣхъ, которые считаютъ варшавскій балетъ замѣчательнымъ

явленіемъ въ сферѣ искусства. Распространяться о немъ долго не буду: — дѣло въ томъ, что бывшая въ Москвѣ г-жа Кукки есть наивысшій идеалъ, до котораго желаютъ дойти польскія танцовщицы. Это обстоятельство достаточно показываетъ вкусъ тамошней публики и въ то же время объясняетъ восторгъ этой публики, возбуждаемый каждымъ представленіемъ оригинальнаго балета «Modniarki» (Модистки). Этотъ балетъ очень забавенъ и всѣ танцы въ немъ имѣютъ характеръ канкана. Правда, канканъ танцуется въ Варшавѣ отличнѣе и не въ примѣръ граціознѣе нашего, но все-таки это канканъ и, какъ специальность артистовъ, кладетъ свою печать на всѣ танцы. Первѣйшій варшавскій канканеръ г. Менъ съ большими комическими способностями и даже съ подходящей вѣшностью для этого танца. Г-жи Пониль, Пиотровская, равно какъ и большинство труппы, со способностями къ этому специальному танцу и, по своей односторонности, едва ли произведутъ эффектъ въ настоящемъ балетѣ. Разумѣется мое мнѣніе не относится къ г-жѣ Богдановой, танцовавшей эту зиму въ Варшавѣ, ибо я рассказываю о лучшихъ національныхъ представителяхъ кордебалета, о которыхъ именно и составилось ходячее мнѣніе, будто бы они лучше соотвѣтствующихъ имъ артистовъ на императорскихъ сценахъ. Вотъ и все, что я хотѣлъ сказать о варшавскомъ балетѣ, почему и поведу теперь рѣчь объ оперѣ, и именно объ итальянской, ибо польскія говорятъ, когда-то была хороша, но теперь, годъ отъ году дѣлалась хуже, заслуживаетъ снисходительнаго молчанія. И такъ варшавскіе меломаны, вопреки петербургскимъ, склоняются не къ своей, а къ иноземной оперѣ. Въ данномъ случаѣ, какъ москвичъ, сочувствуя этой склонности, я стою на сторонѣ варшавской дирекціи, которая, не имѣя хорошихъ польскихъ пѣвцовъ, не поспешила выписать итальянскихъ. Между итальянцами, по моему, первое мѣсто принадлежитъ г-жѣ Требелли-Веттини: у нея — очень пріятный и выразительный контральто и — что рѣдкость — прекрасная, осмысленная игра. Я ее видѣлъ въ «Севильскомъ цирюльникѣ» (Розина), въ «Донъ-Жуанѣ» (Церлина) и въ «Лукреціи Борджіа» (Орсино). Вездѣ была она на своемъ мѣстѣ и вызывала искренніи похвалы зрителей. Примадонна-сопрано г-жа Джюваннини тоже пользуется общей любовью публики. Изъ мужскихъ персонажей я пришелъ въ полное удовольствіе отъ г. Босси (Бартолло), у котораго веселая игра соединялась съ весьма солиднымъ голосомъ. Первый теноръ г. Веттини обладаетъ довольно пріятнымъ голосомъ; но играть совсѣмъ не умѣетъ. Баритонъ г. Закки и басъ г. Чампи тоже съ пріятными голосами и въ «Севильскомъ цирюльникѣ», подобно прочимъ, были виновниками того хершаго впечатлѣнія, которое вынесла публика изъ этой оперы. Но про «Донъ-Жуана» этого не скажу: именно тутъ-то въ главныхъ роляхъ баритонъ и басъ были причиной, что опера Моцарта не удалась. Изъ «Лукреціи Борджіа» давали отрывки для роли Орсино, которые выполнялись одною Требелли-Веттини, по обыкновенію, прекрасно и были повторены.

Въ заключеніе моихъ замѣтокъ кстати скажу, что варшавскій театральнй маскарадъ дается не въ зрительныхъ залахъ, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, а въ тѣхъ отдѣльныхъ, о которыхъ я уже упоминалъ въ началѣ этой статьи. При этомъ въ обычай во время маскарадовъ давать въ обоихъ театрахъ спектакли изъ какихъ нибудь отрывковъ, куда каждый вошедшій въ маскарадъ впускается даромъ на первое попавшееся ему мѣсто.

Оканчивая на этомъ мѣстѣ мои сообщенія о варшавскомъ театрѣ, очень жалѣю, что ничего не могу сказать о прочихъ городскихъ увеселеніяхъ;—а это было бы любопытно, ибо тамъ безпрестанно составляются концерты съ проѣзжающими мимо артистами и вообще въ Варшавѣ не меньше столичнаго разныхъ увеселеній съ тѣмъ еще неперемѣннымъ отличительнымъ условіемъ, что публики вездѣ тѣмъ-тѣмущая, а развлечения съ своеобразнымъ мѣстнымъ характеромъ.—Да, городъ веселый и въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, достоинъ вниманія!

В. Сафоновъ.

ТЕАТРЪ ВЪ РЯЗАНИ.

На нынѣшній годъ Горожанскій, прежній антрепренеръ, отступился отъ рязанскаго театра, который попалъ въ руки какого-то Медвѣдниковъ. Этотъ новый антрепренеръ явился изъ Москвы; но съ какой стати взялся онъ за антрепренерство и почему онъ снялъ театръ, а не булочную, не табачную лавку—этого, по всему вѣроятію, не рѣшить и самъ онъ. Театральное дѣло ему вовсе незнакомо, онъ не умѣлъ приступить къ нему и велъ его Богъ знаетъ какъ. Къ открытію сезона онъ явился было въ Рязань съ очень порядочною труппою, въ которой между прочимъ были: Дурново, очень хорошій исполнитель на комическія роли, актеръ искусный, опытный, съ разнообразнымъ репертуаромъ и уже успѣвшій еще прошлаго года съ самой выгодной стороны зарекомендовать себя рязанской публикѣ. Изъ Москвы пріѣхалъ Погонинъ, молодой актеръ, очень добросовѣстный и старательный. Волкова недурно играла многія первыя роли. Актриса Кравченко была сносна въ комическихъ роляхъ. Изрѣдка къ обычнымъ исполнительницамъ присоединялась жена Дурново, которая всегда съ успѣхомъ исполняла свои немногія роли и нравилась публикѣ. Словомъ, труппа составила было очень недурно. Но на первыхъ же порахъ дѣло стало за малымъ: при театрѣ не оказалось библиотеки, а Медвѣдниковъ не позаботился записать пѣсами и вотъ стали играть все, что только попадалось случайно на глаза и подъ руку, выкопали разное старье въ родѣ «Музыканта и княгини», «Жены артиста», «Минеты или превращенія кошки въ женщину» и т. п. Появился на афишѣ даже «Емелюшка-дурачекъ или дитя природы» и какая-то «Домашняя язва» оригинальная комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, съ Сибирскимъ женишкомъ, съ Кутерьмою въ женскомъ сердцѣ, съ Сибирскимъ ме-

дведемъ и съ Лисою въ западнѣ въ отдѣльныхъ картинахъ; всего любопытнѣе, что вся эта белиберда афишею рязанскаго театра была приписана Ив. Серг. Тургеневу, имя, отчество и фамилія котораго крупными буквами подписаны были подъ этой дикой піэсою съ русскими именами и африканскими яравами. Пріѣзжіе акробаты выручили на время Медвѣдниковъ и вотъ акробатическія упражненія пошли обр руку съ драматическими упражненіями; актеры должны были играть на сценѣ, передъ которою для акробатовъ протянуты были канаты, шести и доски; на одной и той же аршинной, изукрашенной алаповатыми политинажами афишѣ объявлялось представленіе *пятнадцати нумеровъ некъ-плюсъ—ультра* акробатовъ и сейчасъ же за тѣмъ «Крестница» Плещеева. Надежды антрепренера, или, какъ иногда самъ онъ величалъ себя, *директора рязанскаго театра*, выразались обыкновенно на афишѣ слѣдующими безграмотными, но очень крупными строками, которые приводимъ во всей ихъ неприкосновенности: *«Содержатель театра ангажировалъ акробатовъ двора Е. В. Королевы Англійской, единственно доставить почитенной публикѣ полное удовольствіе, которыя извѣстны въ Европѣ, посему ѣдетъ съ надеждою, что удостоить его на сіе представленіе, своимъ благосклоннымъ посещеніемъ»*. Не имѣя, какъ оказалось, ни малѣйшаго понятія объ искусствѣ актера, безъ всякихъ средствъ для сцены, Медвѣдниковъ отважился самъ пуститься въ актерство и подъ именемъ Шуйскаго игралъ Симона сиротинку, Лубянскаго («Средство выгнать волокитъ») и еще кое-что. Какъ игралъ онъ—передать трудно; но самъ Медвѣдниковъ, вѣроятно, воображалъ себя актеромъ великимъ, что явствуетъ изъ слѣдующихъ, слишкомъ краснорѣчивымъ и слишкомъ безграмотныхъ словъ бенефисной афиши акробата Вильяма Джонса: *«Роль Симона исполнитъ самъ держатель театра; по селу Джелемъ и Вильяамъ Джонсъ, равно держатель труппы театра въ полной увѣренности, что благосклонная публика на сей прощальный вечеръ не оставитъ своимъ благосклоннымъ посещеніемъ, артисты употреблятъ все свои старанія доставить полное удовольствіе сего вечера, дабы оставить о себѣ нѣкоторое воспоминаніе»* (орфографія подлинника). Ну, и точно, не знаю, какъ акробаты, а *содержатель труппы оставилъ о себѣ нѣкоторое воспоминаніе*—могу сказать! Пріѣзжалъ въ Рязань изъ Москвы князь Кугушевъ и сыгралъ двѣ роли въ своихъ піесахъ: «Пустоцвѣтъ, или жена не взятка» и «Комедія безъ названія». «Пустоцвѣтъ» шелъ въ бенефисъ Погонина. На бенефисной афишѣ было крупно напечатано: *«съ обязательнымъ участіемъ самаго князя, который съиграетъ роль Градобоева»*. Князь Кугушевъ игралъ очень хорошо; впрочемъ скорѣе читалъ, чѣмъ игралъ, потому что Градобоевъ прежде всего отъявленный говорунъ. Дурново была очень хороша въ роли графини. Вообще этотъ спектакль былъ одинъ изъ самыхъ удачныхъ; онъ былъ старательно сложенъ и публикѣ осталась очень довольна и піэсою и исполненіемъ. Напрасно только бенефициантъ Погонинъ поусердствовалъ публикѣ и въ дивертисментѣ плясалъ по

цыгански; едва-ли его хореографическій опытъ далъ ему лишнѣхъ зрителей: театръ и безъ того былъ бы полонъ. Роль Восадулина игралъ кн. Кугушевъ въ пользу директора театра, какъ было пропечатано на афишѣ. Но, говоря вообще, о пользѣ было уже поздно думать директору театра, дѣло было испорчено. Большая часть актеровъ первоначальной труппы покинули директора, который долженъ былъ обза водиться почти новою труппою, бралъ, кого могъ, и едва-едва дотянулъ дѣло до конца сезона. Въ послѣднее время можно было еще смотрѣть Малова, да развѣ Калиновича, который, сказать кстати, въ бенефисъ свой далъ занимательную піеску «Баба-яга», а Калиновичъ—актеръ на молодыхъ роли. Любопытно бы узнать, великъ ли запасъ серебряныхъ рублей вывезъ изъ Рязани Медвѣдниковъ и будетъ ли онъ впередъ братья за директорство? Z.

ТЕАТРЪ ВЪ ТВЕРИ.

Для тверскаго театра въ прошломъ сезонѣ антрепренера не нашлось; однако ветхое театральное зданіе не стояло празднымъ. Въ Тверь съѣхалось съ разныхъ сторонъ нѣсколько человѣкъ актеровъ, которые составили изъ себя временную труппу на правахъ товарищества и открыли рядъ представленій. Стѣны театра внутри были подчищены и покрашены (такъ однако, что не накали уже, какъ прежде, платья почитателей), для освѣщенія проведенъ былъ газъ и печатными афишами раза по три въ недѣлю возвѣщали по городу спектакли. Экспромтомъ почти составившаяся труппа была не велика числомъ: Линовская, три Александровыхъ, три Маловыхъ, Талановъ, Абраменко, Маловъ, Погонинъ, Хотунцевъ, Охотинъ—вотъ почти и всѣ члены труппы. Нельзя также сказать, чтобы эта труппа была особенно сильна и талантами. Г-жа Александрова 3-я составляла ея лучшее украшеніе. Эта молодая актриса дѣйствительно съ хорошими природными средствами; игра ея большею частію обдуманна, прочувствована, проста; репертуаръ довольно разнообразенъ (отъ водевилей до драмы); усердія и добросовѣстности много: имя ея въ теченіе всего сезона не сходило почти съ афиши, являясь на большей части изъ нихъ по два, по три раза, а между тѣмъ во всѣхъ роляхъ своихъ г-жа Александрова 3-я бывала очень тверда; при всемъ этомъ за артистку—ея молодость, выгодная наружность, умные держаться и пѣть куплеты. Сестра ея, г-жа Александрова 2-я—недурная исполнительница на комическія женскія роли. Г-жа Линовская—извѣстная въ Москвѣ и въ Петербургѣ—едва ли была особенно полезна, такъ какъ весь репертуаръ ея состоялъ изъ очень ограниченного числа ролей; къ тому же роли эти одного, извѣстнаго рода (Дуня въ «Ночномъ», Дуня въ «Не въ свои сани не садись», Аюта въ «Аютиныхъ глазкахъ», Параша въ «Воронъ въ павлиньихъ перьяхъ»). Принимаясь за роли иного свойства, она оказывалась не на мѣстѣ въ нихъ; еще въ роли Марко («Мраморная красавица») она смотрѣлась, но въ роли

мызницы Катерины («Любовное зелье») была воруною въ павлиньихъ перьяхъ: для этой роли у нея не оказалось ничего и прежде всего голоса для исполненія хорошенькихъ куплетовъ этой оперетты. Г-жа Линовская уѣхала изъ Твери до окончанія сезона, равно какъ и г. Абраменко, который недурно игралъ нѣкоторыя роли, особенно водевилныя. Вообще тверская труппа въ теченіе сезона не разъ видоизмѣнялась въ своемъ составѣ. Въ половинѣ сезона пріѣхали изъ Рязани Погонинъ и Охотинъ, которые очень пригодились. Погонинъ, актеръ московскихъ театровъ, очень приличенъ для молодыхъ ролей; впрочемъ первый выходъ его былъ въ Кречинскомъ; въ роли Гувернера онъ имѣлъ успѣхъ, такъ что эта піеса была даже повторена (явленіе слишкомъ рѣдкое на тверской сценѣ). Талановъ былъ режиссеромъ труппы и игралъ всякаго рода роли. Актеръ онъ старатенный и довольно умный. Очень дѣятельный актеръ Маловъ къ концу сезона также оставилъ Тверь. Репертуаръ былъ самый пестрый: рядомъ съ піесами Островскаго шли «Материнское Благословеніе» и «Дѣтскій докторъ»; за «Горькой Сульбиной» и «Пучиной» слѣдовали «Гражданскій бракъ» и «Свѣтскія ширмы». Впрочемъ, сказать кстати, первыя двѣ піесы не имѣли успѣха, тогда какъ обѣ послѣднія шли по два, по три раза. «Гражданскій бракъ» названъ былъ на афишѣ *иновышедшею комедіею*, а о «Свѣтскихъ ширмахъ» въ афишѣ было сказано, что *піеса эта въ настоящее время имѣетъ огромный успѣхъ въ обоихъ (sic) столицахъ*. Въ бенефисъ Александровой 1-й должны были идти три сцены изъ трагедіи Толстаго «Смерть Іоанна Грознаго», но, по распоряженію мѣстнаго начальства, сняты съ афиши. Между тѣмъ, какъ было слышно, актеры поизъбыточились на заказъ новой мебели и нѣкоторыхъ аксессуаровъ. Декорации были написаны мѣстнымъ художникомъ Шивовымъ. Роль Іоанна долженъ былъ играть Погонинъ, а Годунова—Талановъ. Сыграны были также и двѣ мольеровскія комедіи: «Замужество—лучшій докторъ» и «Дѣкаръ по неволѣ». Первая шла въ бенефисъ Таланова, который хорошъ былъ въ роли Станареля, хотя единственно потому, что копировалъ игру Шумскаго, но копировалъ недурно. Въ бенефисъ Таланова, кромѣ того, шли: отрывокъ изъ пушкинской «Русалки», «Тяжба» и «Семейная картина»; такъ что бенефисная афиша соединила имена Мольера, Пушкина, Гоголя и Островскаго; спектакль этотъ обошелся безъ водевилей, но попорченъ былъ дивертисментомъ съ полькою-фолшонъ. — На вниманіе тверской публики актеры имѣли полное право жаловаться: театръ посѣщался плохо; нѣкоторые спектакли, за недостаткомъ сбора, отмѣнялись вовсе (въ томъ числѣ спектакль съ «Шубой овечьей» Потѣхина) и Богъ знаетъ, въ барышахъ-ли остались актеры—общаки.

ТЕАТРЪ ВЪ ТАМБОВѢ.

Тамбовскій театръ стоитъ на одной изъ послѣднихъ ступеней въ ряду нашихъ провинціальныхъ

театровъ. Какъ ни пристрастно смотрѣть на него, все-таки нельзя найти ни одной черты, которая бы хоть сколько нибудь говорила въ его пользу. Начиная съ самаго зданія и кончая актерами, все въ немъ отмѣчено какою-то обветшалостью, какою то затхлостью, которая рѣдко встрѣчается даже въ провинціи. Зданіе театра въ Тамбовѣ помѣщается на одной изъ лучшихъ улицъ города—на Дворянской; снаружи оно еще не отдѣлано послѣ бывшаго, лѣтъ восемь тому назадъ, пожара въ Тамбовѣ, когда и театръ сгорѣлъ; внутри же «возобновлено», какъ постоянно объявляютъ тамбовскія афиши, но возобновленіе это плохо и бѣдно: стѣны и потолокъ оклеены оберточной бумагою и выкрашены мѣломъ, отъ чего посѣтителіи, сидящіе около стѣны, постоянно выходятъ съ бѣлыми пятнами на платьѣ. Кромѣ того, по причинѣ плохо сдѣланной крыши и отъ частыхъ дождей, перѣдко во время представленія на зрителей падаютъ капли грязной воды. Въ послѣднее же время (около вышшняго новаго года) на потолокъ появились даже постоянныя пятна отъ плѣсени, а намочная бумага въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оторвалась и повисла. Точно тоже можно сказать и объ изодранныхъ декораціяхъ и объ изломанной мебели; да тоже самое можно сказать и объ актерахъ: всѣ они кажутся какими-то промокшими и изодранными. Лучшимъ актеромъ на тамбовской сценѣ считается г. Козаковъ. Но, къ несчастію, въ послѣднее время онъ потерялъ вовсе охоту къ игрѣ, какъ къ искусству. Онъ весь погруженъ теперь только въ одно, какъ говоритъ простой классъ народа, «выкидывать штуки на сценѣ». Къ тому же еще у него такая странная интонація, которую трудно представить себѣ и которую онъ никогда не перемѣняетъ. Но все-таки это лучший актеръ въ Тамбовѣ. Объ немъ хоть можно сказать то, что онъ понимаетъ свои роли; другіе же не обладаютъ даже и этимъ качествомъ. У каждаго притомъ актера есть своего рода странности; такъ г. Лавровъ постоянно къ каждому слову прибавляетъ восклицаніе «а». Г. Григорьевъ, содержатель труппы, играетъ всѣ роли съ какою-то торжественностію и притомъ говоритъ такимъ голосомъ, который вовсе не похожъ на человеческій. Г. Самойловъ, который, какъ разъ объявляла афиша, «служилъ при Императорскихъ С.-Петербургскихъ театрахъ», постоянно коверкаетъ самыя фразы и т. д. и т. д. Объ актрисахъ можно сказать болѣе утѣшительнаго, хотя всѣ онѣ вообще тоже не слишкомъ хороши. Довольно порядочная актриса на тамбовской сценѣ—это г-жа Лаврова. Въ водевиляхъ и въ роляхъ «служанокъ» она даже очень и очень недурно играетъ. Она постоянно вдумывается въ роли, а это уже много значитъ. Но къ несчастію она часто принуждена бываетъ играть такія роли, которыя вовсе не по ней! Послѣ г-жи Лавровой можно упомянуть еще о г-жѣ Козаковой, но въ игрѣ ея вовсе нѣтъ естественности. Видно, что она играетъ, что она выкидываетъ тоже своего рода штуки. Кромѣ этихъ двухъ буквально нѣтъ ни одной актрисы въ г. Тамбовѣ, которая бы хоть сколько нибудь понимала роли. Недавно пріѣхала

откуда-то въ Тамбовъ новая актриса—г-жа Ворская. Объ ней мы сами ничего не можемъ сказать, потому что намъ не удалось видѣть ея игры. Но, какъ говорятъ, и она не слишкомъ хорошо играетъ. Трудно рѣшить, отъ чего происходитъ эта бѣдность на тамбовской сценѣ. Публика въ Тамбовѣ любитъ смотрѣть все хорошее: это уже доказано во многихъ случаяхъ; въ театрѣ же смотрѣть нечего; отъ этого и происходятъ подобные случаи въ Тамбовѣ, какъ, напримѣръ, отъ бенефиса гг. Лавровыхъ (мужа и жены) имъ обоимъ досталось только 5 р. сер. Между тѣмъ г. Григорьеву нужна поддержка отъ публики, такъ какъ своихъ средствъ у него недостаточно для лучшаго устройства театра. И такъ, кому же прежде начать улучшеніе въ театрѣ? Григорьеву или публикѣ? Странное, право, положеніе!

Н. Н.—ичъ.

ХАРЬКОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

Въ газету «Москва» пишутъ изъ Харькова что тамъ явилась мысль выстроить новый театръ, на Михайловской площади, гдѣ банкъ, почтовая контора и пр. Старое зданіе харьковскаго театра (кому оно неизвѣстно!) принадлежало нѣкогда актеру Млатковскому, теперь принадлежитъ его наслѣдникъ Дюкавой. Въ него странно войти; ложи его покосились; въ корридорахъ вдоль ложа нельзя ходитъ иначе, какъ держась за стѣны: полы скосились на $1\frac{1}{2}$ четверти въ отвѣсъ (на 1 аршинъ ширины). Звонѣтлое, безъ резонанса, съ страшнымъ сквознымъ вѣтромъ надъ партеромъ, съ безобразными лѣстницами, душнымъ буфетомъ, это зданіе давно ждало передѣлки. Явилась группа италіанцевъ; ихъ содержатель, Серматей, захотѣлъ построить новый театръ, о чемъ заявилъ начальству. Новая администрація съ горячимъ участіемъ встрѣтила это заявленіе. Составился частный комитетъ для соображеній. Кинулись къ справкамъ съ дѣлами, и что же открылось? Около десяти лѣтъ назадъ, было дано обязательство отъ лица городской думы платить изъ городскихъ доходовъ въ пользу содержателя театра по 3,000 р. въ годъ въ теченіи десяти лѣтъ съ тѣмъ, чтобы, при наблюденіи особой дирекціи, изъ чистаго дохода съ театра въ пользу думы, т. е. города, отчислялось по 10%, а въ концѣ 10 лѣтъ, чтобы въ пользу города отошли декорации, костюмы и другая движимость театра. Дирекція составила, городъ уплатилъ въ пользу антрепренеровъ около 30,000 р. с. Но когда теперь представители города, бывшіе въ коммисіи, разсматривавшей проектъ Серматей, обратились къ источнику разъясненія того любопытнаго вопроса, къ дирекціи театра, то что же оказалось? Нашли контрактъ содержателя съ городомъ пречли контрактъ, обратились за справками, въ чемъ состоитъ наличность имущества, должествующаго отойти вскорѣ городу, и много ли внесено 10% сбора съ доходовъ театра въ пользу го-

рода... и узнали слѣдующее: книги спутаны, ведены въ безпорядкѣ, а изъ десятипроцентнаго сбора съ дохода внесено въ первый годъ 1500 р. с., на что и оказался билетъ Приказа, а въ остальные годы театръ не далъ городу ни гроша... Странно допустить, чтобы содержатели театра не имѣли въ эти долгие годы дохода, когда одинъ изъ нихъ четыре года назадъ право свое по содержанію театра передалъ другому въ аренду за ежегодную сумму что-то около 4,000 р. с., а вызванный антрепренеръ итальянецъ Серматтен, послѣ двухлѣтнихъ опытовъ съ полными сборами итальянскихъ спектаклей, вызвался самъ построить театръ, отдѣльный отъ развалины, въ которую теперь, скренивъ сердце, собирается харьковская публика.

НОВОЧЕРКАССКІЙ ТЕАТРЪ.

(Отвѣтъ на статью г. Н. Борисова, помѣщенную во 2-мъ № «Антракта».)

На дняхъ, намъ случайно попалась статья г. Борисова объ Новочеркасскомъ театрѣ, въ которой г. Борисовъ, между прочимъ, высказываетъ свое мнѣніе и объ артистахъ.

Съ первыхъ словъ г. Борисова видно, что онъ не только незнакомъ съ талантами нашихъ артистовъ, но и вообще мало знакомъ съ сценическимъ искусствомъ, если могъ отдать преимущество предъ всѣми г-жу Марксъ, этому устарѣлому, вялому, тяжелому и, въ полномъ смыслѣ, бесполезному актеру, видѣвши артистическую игру г. Ленскаго, талантливаго, заслуженнаго и любимаго артиста, если могъ назвать г. Ленскаго только «добросовѣстнымъ исполнителемъ», а объ г. Марксъ сказать, что онъ, «играя разнообразныя роли, олицетворяетъ ихъ до такой степени, что видишь въ нихъ живыя, дѣйствительныя существа, а не дѣйствующія только по заказу!» (О, Господи!) Да мы соплемся на всѣхъ, посѣщающихъ нашъ театръ, была ли хотя одна роль, которую бы г. Марксъ — не говоримъ уже такъ артистически, какъ находитъ г. Борисовъ — (это для г. Марксъ такъ же невозможно, какъ влѣзть на лупу), но хотя мало-мальски добросовѣстно исполнилъ? Вспомните, какъ онъ безобразничалъ и ломался въ роли «Варнера» въ допотопной драмѣ (съ убійствомъ и пожаромъ) «Тереза, женевская сирота». Вспомните, какъ онъ безжалостно терзалъ и искажалъ довольно типичную роль князя Оршвскаго въ комедіи «Было да прошло» и скажите, правда ли все то, что о немъ сказалъ г. Борисовъ? Мало этого, г. Борисовъ утверждаетъ, что г. Марксъ такъ старательно изучаетъ свои роли, что «рѣшительно не нуждается въ подсобиі сублиера»... Помилуйте, г. Борисовъ, да это вопиющая несправедливость! Да г. Марксъ если и отличается чѣмъ-нибудь на нашей сценѣ, то именно только совершеннымъ незнаніемъ ролей, потому что еще не было примѣра, чтобы онъ, когданибудь, словечко сказалъ на сценѣ безъ помощи сублиера.

Далѣе, — г. Борисовъ говоритъ, что г-жа Марксъ «въ роляхъ пожилыхъ женщинъ одѣлала бы честь «побиліому столичному театру» О, ужасъ! О, злая насмѣшка! Г-жу Марксъ на столичную сцену! Помилуйте, г. Борисовъ, да мы нашу же г-жу Васильеву, которая въ вашихъ глазахъ не болѣе, какъ «удовлетворительная» актриса, а по нашему убѣжденію на сто процентовъ и толковѣе, и умнѣе, и талантливѣе г-жи Марксъ — никогда не осмѣлимся сравнить съ г-жею Ленскою, а то г-жа Марксъ!.. Гдѣ вы въ ней видите талантъ, г. Борисовъ? Въ чемъ она передъ вами его выказала? Что вы называете въ ней «исподдѣльными юморомъ?» Скажите? Не то ли, по вашему, и талантъ и юморъ, что она, какъ напримѣръ въ водевилѣ: *Польза заграничнаго тѣченья*, одѣвается карикатурно (*) и комически танцуетъ мазурку? Или подобравши, чуть не заколѣва, платье, подвяжетъ его веревкою (*На чужой каровой, рта не развѣй*) и отхватываетъ качучу? Это талантъ? Это юморъ? Извините, г. Борисовъ, что мы и на этотъ разъ съ вами несогласны и думаемъ, что это не талантъ, не юморъ, а, по просту говоря, фарсъ и паясничество — не больше! Если же подобную игру можно назвать талантомъ, то г. Вороновъ — гений, потому что больше и неприличнѣе его не фарсятъ даже въ циркахъ. Впрочемъ, мы и забыли, что паясничавъ г. Воронова вамъ очень нравился; не даромъ же, вы рѣшились сказать, что онъ, Вороновъ (!!!) *вполнѣ замѣнилъ* намъ г. Самсонова, артиста, по справедливости заслужившаго общія лестныя похвалы. Если бы вы посмотрѣли г. Самсонова въ *Пучинѣ*, въ *Доходномъ мѣстѣ*, или даже въ *Черномъ пятнѣ*, а г-жу Васильеву въ *Доходномъ мѣстѣ*, въ *Грозѣ* или въ *Житнейской школѣ*, да немножко поразсудили, то увидѣли бы, что г. Самсоновъ и г-жа Васильева — артисты, понимающіе, умѣющіе вѣрно передавать, олицетворять тишы, а не старающіеся смѣшить публику костюмировкой и фарсами — для этого есть циркъ (**).

Изъ всего сказаннаго г. Борисовымъ о семействѣ Марксъ вѣрно только то, что дочь ихъ, *д-ца Марксъ*, очень миленькая, молоденькая, старательная и не безъ таланта актриса, но далеко не *лучшій цвѣтокъ* нашей сцены! На наши глаза г-жа *Лукашевичъ* въ водевиляхъ несравненно лучше д-цы Марксъ. Вы посмотрите на нее въ водевиляхъ: *Всѣхъ цвѣточковъ болѣе розу я люблю*, *Френологъ и физиологистъ*, *Дочь русскаго актера* и другихъ и скажите: исполнила ли д-ца Марксъ хотя бы од-

(*) Для ясности описываемъ костюмъ: старое, грязное, полинялое, зеленое, допотопнаго фасона платье *декольте*; ярко красный платокъ; на головѣ: что-то въ родѣ пяти лѣтъ валавшихся цвѣтвъ, неизвѣстная міру прическа и все это при крошечномъ ростѣ, весьма непривлекательной наружности и безобразной толщинѣ! Конечно, смѣшно видѣть подобную фигуру въ мазуркѣ!

(**) Съ грустью приходится впрочемъ, ради правды, сказать, что и за г-жею Васильевой иногда водится грѣшнѣе посмѣшить раекъ, и не только иногда.

ну роль съ такою веселостю, жизнью и одушевленіемъ? Прошла ли д-ца Марксъ хотя одинъ куплетъ такъ вѣрно и съ такою пріятностію, какъ ихъ поетъ г-жа Лукашевичъ? Никогда! Помните, какъ плохо и какъ фальшиво она пѣла въ *Дочери второго полка* и какъ вѣрно г-жа Лукашевичъ въ водевилѣ *Френологъ и Физиологистъ* поетъ арію изъ *Эриани*? Смѣло говоримъ, что г-жа Лукашевичъ въ водевиляхъ лучше д-цы Марксъ; за то въ комедіяхъ первенство за д-цею Марксъ. Мы ее видѣли только въ двухъ роляхъ: въ *Пучинѣ* — Лизы и въ *Испорченной жизни* — Мароуши, и находимъ, что въ игрѣ ея видны простота, естественность и чувство, тогда какъ въ игрѣ г-жи Лукашевичъ — заученность, позировка и отсутствіе всякаго чувства! Въ драмахъ же, которыя г-жа Лукашевичъ часто играетъ, она положительно нехороша. Ей еще и рано играть ихъ, а еще болѣе такія сильныя, какъ роль въ *Простомодникѣ* (въ которой, замѣтимъ мимоходомъ, она очень понравилась г. Борису). Она еще очень молода, чтобы играть драмы; ей, много-много 18—19 лѣтъ, — а вы г. Борисовъ, находите, что она не *цвѣтущей молодости*. Какія же, смѣемъ спросить у васъ, цвѣтущія лѣта, если 18—19 лѣтъ не цвѣтущія? Ну, да мало ли что вы находите: что и г-жа Вознесенская (хоть, напримѣръ, въ комедіи *«Не въ свои сани не садись»* или въ *«Было да прошло»*) не естественностію игры, не артистическимъ исполненіемъ и не глубокимъ, неподдѣльнымъ чувствомъ *вызываетъ въ зрителя состраданіе къ ея положенію*, а потому, что она-де, г-жа Вознесенская — болѣзненна (ужъ больно худенькая, дескать!). Грустный взглядъ на искусство! По всему видно, что г. Борисовъ требуетъ отъ драматической актрисы богатырской груди, сильнаго горла и, если можно, гигантскаго роста, и никакъ не можетъ вообразить себѣ хорошую игру безъ криковъ, взвизговъ, колотбы въ грудь и — (ужъ конечно) паденій! Миѣніе, высказанное имъ объ г. Ахалинѣ, оковчательно убѣждаетъ насъ въ этой догадкѣ; иначе, онъ никогда не рѣшился бы назвать его *«замѣчательною личностію, обладающею большимъ талантомъ»*, а г. Яковлева — хотя и свискавшимъ извѣстность, во не *старательнымъ* и даже *утрирующимъ* актеромъ (?).

Сравнимъ же ихъ, г. Борисовъ.

Г. Ахалинъ за 10 лѣтъ своей сценической службы на нашей сценѣ не зналъ ни одной роли — (за исключеніемъ *Губернера* и то не вполне), а г. Яковлевъ за 10 лѣтъ (почти) ни разу не вышелъ на сцену, не заучивъ буквально исполняемой имъ роли. Спрашиваемъ, кто изъ нихъ старательнѣе? Г. Яковлевъ никогда не позволилъ себѣ ни одного фарса, ни одного неприличія на сценѣ, ни въ игрѣ, ни въ костюмировкѣ, тогда какъ г. Ахалинъ, играя ту же роль Мотылькова въ *Барской степи*, за которую вы его хвалите, г. Борисовъ, является на сцену, передъ публикой, такимъ, что каждый изъ зрителей видитъ и въ немъ и на немъ несомнѣнное присутствіе той ужасной, разрушающей болѣзни, которую всякій заболѣвшій старается всегда скрыть отъ всѣхъ, а г. Ахалинъ смѣло выставляетъ ее пе-

редъ глазами не только мужчинъ, но даже дамъ и дѣвицъ!... Прилично ли это? Достойно ли порядочнаго актера? Не утрировка ли это, скажите? Допустимъ даже, что и бездарный актеръ можетъ быть и трудолюбивымъ и приличнымъ и, напротивъ, самый талантливый артистъ можетъ иногда и подѣяться и подурчиться — прекрасно; но разберемъ ихъ способности, талантъ, искусство, репертуаръ и, наконецъ, впечатлѣнія, производимыя ихъ игрою на зрителя. Г. Ахалинъ — врагъ оригинальныхъ произведеній и преимущественно изображаетъ заморскихъ героевъ, созданныхъ и выросшихъ въ фантазіи нашихъ авторовъ и незнакомыхъ нашей публикѣ. Онъ играетъ роли въ *Кларъ д'Обервилъ*, *Испанскіи дворянинъ*, *Парижскихъ милиціи*, *Живой покойницѣ* и въ тому подобной заморской, ходульной ерундѣ, для которой не нужны ни талантъ, ни трудъ, ни искусство, а только сильное горло, крѣпкіе бока и навыкъ къ сценѣ. Г. Яковлевъ играетъ преимущественно въ оригинальныхъ пьесахъ, которыя русская публика читаетъ (а нѣкоторыя наизустъ даже знаетъ, такъ что чуть актеръ подѣвился, не выучилъ роли, сейчасъ же и замѣтитъ), которыя требуютъ труда и изученія, старанія и правды, а не то скажутъ: «у насъ-де на Руси такихъ людей не бывало, это неправда» и т. д., тогда какъ въ заморскихъ г. Ахалинъ — полный господинъ! Онъ убѣжденъ, что никто ему не замѣтитъ, что личность, изображаемая имъ, невѣрно обрисована, или что онъ говоритъ не то, что написалъ авторъ; онъ хорошо знаетъ, что никто изъ нашей публики не читалъ, не читаетъ и не станетъ читать всю эту заморскую галimatію, и потому всегда правъ передъ публикою. А если случится ему играть въ оригинальной пьесѣ, или зритель видитъ г. Ахалина, напримѣръ въ роляхъ Хлестакова или поэта (въ *Житейской школѣ*), то, слушая его, испытываетъ такое же мучительное чувство, какое ощущается, когда рѣжутъ пробку, или на зубъ нечаянно попадетъ песокъ. О трудѣ г. Ахалинъ не заботится; его цѣль: играть много, быть любимымъ публикою, взятъ хорошей бенефисъ и быть уважаемымъ дирекціей; — онъ и достигаетъ этой цѣли! Такъ какъ оригинальныя комедіи — въ особенности при участіи гг. Марксъ, Ахалина, Воронова и г-жи Орловой (замѣчательной бездарности), большею частью не приносятъ дохода театру, а кровавыя, заморскія трагедіи и драмы (къ стыду публики) посѣщаются весьма охотно, то дирекція наша, заботясь болѣе о выгодахъ, нежели объ искусствѣ, ставитъ постоянно драмы и г. Ахалинъ ихъ играетъ. Играя же драму, онъ прокричитъ монологъ или выкинетъ колѣнцо — аплодисменты; хватится объ полѣ — вызовъ (ужъ будьте увѣрены, что вызовутъ); а иной цѣнитель, подобно г. Борисову, назоветъ его *«замѣчательною личностію, обладающею большимъ талантомъ»* — и прославитъ хорошимъ актеромъ. Чего же еще? Правда, иногда, отъ такой игры горло садеть, или бока страдаютъ, ну, да чѣмъ чловѣкъ не пожертвуетъ для искусства, особливо если этотъ родъ искусства даетъ такіе блестящіе плоды, какъ полный сборъ, любовь публики, печатныя похвалы и уваже-

не дирекции... такъ тутъ не только память немножечко бока, а и лобъ себѣ не жаль расквасить! Лобъ и бока заживутъ, а слава безсмертна! Г. Яковлевъ на эту штуку не ходокъ! Онъ трудится, учитъ роли, не оретъ, не бѣснуется, не жертвуетъ боками (*), а старается быть на сценѣ человѣкомъ и избѣгаетъ эффектовъ, а потому и вамъ, г. Борисовъ, и всѣмъ, подобнымъ вамъ цѣнителямъ не правится, какъ актеръ *нестарательный!*

Что же касается утрировки, какъ вы находите, г. Борисовъ, то что сказать? Скажемъ, что въ той же пьесѣ, въ которой онъ, по вашему, *«утрировалъ до искаженія»*, мы видѣли вѣрную, отчетливую, исполненную глубокаго чувства игру; видѣли такую естественность, правду и натуру, что въ 4-мъ актѣ, когда Курчаевъ хочетъ зарѣзаться, дамы въ ближней къ сценѣ ложѣ вскочили съ своихъ мѣстъ; мало этого.—мы видѣли, что г. Яковлевъ, безъ малѣйшаго крика, безъ замѣтныхъ усилий и всякой театральщины, а единственно правдою и чувствомъ заставлялъ плакать даже нѣкоторыхъ мужчинъ, не говоря уже о дамахъ, изъ коихъ рѣдка не утирали невольныхъ слезъ! А можетъ ли утрированная или, какъ вы называете, искаженная игра актера вызвать слезу, или непритворный испугъ у зрителя? А г. Яковлевъ мастеръ заставить публику принимать въ немъ такое участіе и даже *не болѣзненностью*, потому что онъ очень красивый, здоровый и не худощавый актеръ!

Если бы вы, г. Борисовъ, всмотрѣлись въ игру гг. Ахалина и Яковлева, то увидѣли бы, что въ игрѣ г. Ахалина—мишура, неистовство, бѣснованіе и крикъ, въ игрѣ же г. Яковлева—естественность и неподдѣльное чувство; что игра г. Ахалина вызываетъ аплодесменты и вызовы, а игра г. Яковлева—участіе, сочувствіе и даже слезы, и что, наконецъ, г. Ахалинъ своею игрою дѣйствуетъ на зрѣніе и слухъ зрителя, а г. Яковлевъ—на его чувства и душу. Чья же игра лучше? Вы, пожалуй, спросите: если г. Яковлевъ такой артистъ, отъ чего же большинство публики отдаетъ первенство г. Ахалину? Отъ того, отвѣтимъ, что большинство, къ несчастію, смотритъ на искусство такими же глазами, какъ и вы, г. Борисовъ. Вы скажете, что ходите въ театръ не затѣмъ, чтобы страдать и плакать съ артистомъ, а для развлечения, что вамъ нѣтъ дѣла разбирать, правильно ли, вѣрно ли актеръ играетъ роль, было бы только красиво, да эффектно! Въ такомъ случаѣ и спорить мы съ вами не станемъ, а только посоветуемъ вамъ никогда не высказывать своего мнѣнія публично,

(*) Какъ фактъ, доказывающій, какой взглядъ имѣетъ большинство публики на искусство, скажемъ, что въ драмѣ «Живая покойница» г. Яковлевъ, игравшій ничтожную роль, въ концѣ 3-го акта, умирая, упалъ—и конечно былъ вызванъ первымъ, не смотря на то, что г. Ахалинъ, игравшій главнаго героя драмы, тутъ же въ слѣдъ за нимъ тоже повалился, но вызова не удостоился! Кто первый упалъ, того первымъ и вызвали... O tempo, o mores!...

а еще болѣе печатно, потому что этимъ вы дѣлаете большой вредъ артистамъ и несомнѣнно зло той дирекціи или антрепренеру, которые, изъ бави Богъ, повѣривъ вамъ на слово, выпишутъ хваленныхъ вами артистовъ! Вѣдь никто не знаетъ, что въ вашей статьѣ только и есть правды, что *г-жа Ленская* поустарѣла для ролей дѣвушекъ и молодыхъ дамъ, а г. *Александровскій* прекрасный и талантливый артистъ; остальное же все—вопиющая неправда. Извините.

Старый театраль.

Новочеркасскъ.
13 февр. 1867 г.

С М Ъ С Ъ.

Русскій Инвалидъ (№ 71) сообщаетъ, что послѣ святой на петербургской сценѣ будетъ поставленъ *Борисъ Годуновъ* Пушкина, въ передѣлкѣ князя Вяземскаго.

Будущую осенью предполагается поставить на московской сценѣ новый балетъ Сенъ - Леона *Золотая рыбка*.

Иамъ сообщили списокъ оперъ, изъ которыхъ составится репертуаръ итальянской труппы, если предложеніе г. Граціани будетъ принято дирекціею. Вотъ эти оперы: Беллини—«Беатриче ди Генда»; Россини—«Семирамида», «Моисей»; Мейербера—«Плоэрмельское прощенье»; Сѣверная звѣзда, «Гугеноты»; Моцарта—«Донъ-Жуанъ», «Свадьба-Фигаро»; Доницетти—«Анна Болейнъ», «Мученики», «Марино Фальеро»; Верди—«Двое Фоскари»; Ф. Давида—«Геркуланумъ»; Пачини.—«Сафо»; Галеви.—«Кипрская Королева». Всѣ эти оперы, за исключеніемъ «Доцъ-Жуана», «Свадьбы Фигаро, Моисея» и «Гугенотовъ», для московской сцены—совершенная новость.

Въ «Голосѣ» напечатано, что послѣ долгихъ колебаній, А. Н. Сѣровъ, наконецъ, остановился на сюжетѣ для новой своей оперы. Содержаніе ея заимствовано изъ малороссійскихъ нравовъ. Опера будетъ называться «Гайдамаки». Дѣйствіе происходитъ во времена польскаго владычества въ краѣ, и для даровитаго композитора представляется возможность воспользоваться, кромѣ драматизма борьбы двухъ враждебныхъ национальностей, богатымъ и почти нетронутымъ музыкальнымъ матеріаломъ малороссійскихъ и польскихъ мелодій. Авторъ думаетъ окончить оперу къ осени, чтобъ она могла явиться, будущей зимою, на петербургской сценѣ.

Первое представленіе новой комедіи Александра Дюма-сына «Les Idées de m-me Aubray», на театрѣ «Gymnase», въ Парижѣ, 4-го (16-го) марта, имѣло большой успѣхъ. Императоръ и императрица присутствовали на этомъ спектаклѣ.

Извѣстная въ Германіи драматическая артистка, г-жа Зебахъ-Ниманъ, ангажирована на весенній сезонъ на петербургскую нѣмецкую сцену и появится на ней послѣ святой недѣли.

Г-жа Гедвига Рабе, любимца петербургской публики, находится въ настоящее время въ Ригѣ и дебютировала на тамошней сценѣ съ большимъ успѣхомъ.

Цюрихская газета сообщаетъ, что недавно въ Цюрихѣ сгорѣлъ до основанія тамошній малый городской театръ. При этомъ пожарѣ погибли двѣ молодыя артистки и нѣсколько лицъ изъ публики. Причиною пожара былъ лопнувшій резервуаръ у лампы, помѣщавшейся въ средней люстрѣ, которою освѣщалась зрительная зала (минеральнымъ масломъ Petroleum). Несчастный случай произошелъ во время спектакля. Разлетевшіяся брызги воспламененнаго масла въ одно мгновеніе произвели взрывъ въ другихъ ближайшихъ резервуарахъ. Огонь быстро распространился по барьерамъ ложъ и достигъ кулисъ. Пораженные такою ужасною катастрофою, зрители бросились къ выходамъ и такъ столпились у двухъ входныхъ дверей залы, что съ большимъ трудомъ могли высвободиться только самыя ближайшія къ дверямъ. Суматоха и давка до того усилились, что напоромъ массы десять человекъ были раздавлены. Неминуемая гибель угрожала всѣмъ зрителямъ, находившимся въ партерѣ, еслибы не подошла во время пожарной команда. Старшій офицеръ этой команды самъ съ топоромъ бросился рубить проходы, приказавъ своимъ подчиненнымъ дѣлать тоже въ другихъ ярусахъ. Совершенно обгорѣли четыре женщины и восемь мужчинъ, помѣщавшіяся подъ самой люстрой. Очень много опасно раненыхъ. На сценѣ огонь обхватила всѣ нижнія кулисы; но тамъ выходы при малочисленности артистовъ, участвовавшихъ въ пьесѣ, не были задержаны и почти всѣ, бывшіе на сценѣ, безъ всякаго вреда для себя успѣли выбѣжать. Только двѣ артистки, занятія переодѣваніемъ въ уборной, расположенной во второмъ этажѣ, и не слышавшія о случившемся, задохлись отъ дыма. Убытки отъ этого пожара простираются до полтора тысячь франковъ; зданіе же театра со всѣми декораціями и костюмами застраховано было содержателемъ всего на сумму восьмидесяти пяти тысячъ. Въ пользу пострадавшихъ открыта по городу подписка и предполагено послѣ поста дать съ тою же цѣлью на другомъ цюрихскомъ театрѣ десять спектаклей.

Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ напечатано слѣдующее приглашеніе: «Для исполненія объѣта, даннаго на могилѣ умершаго знаменитаго виолончелиста Серве присутствующими на похоронахъ его, поставить ему памятникъ, составлена коммиссія въ Бельгій, въ г. Галѣ, мѣстѣ его родины. Воспомянія о Серве не принадлежатъ только однимъ его соотечественникамъ; его европейская репутація, впечатлѣніе, вездѣ произведенное его волшебною игрою, сочиненія, имъ оставленныя, наконецъ примѣръ его жизни, которую онъ посвятилъ постоянному усовершенствованію таланта, ежедневно возрастающаго, все это составило общую принадлежность Европы. Съ этою мыслию обратились комитѣ предсѣдатель коммиссіи для построения памятника Серве г. Жибле и секретарь Германъ и, препроводивъ ко мнѣ подписной листъ, просятъ пригласить желающихъ почтить память великаго артиста къ посильнымъ пожертвованіямъ на сооруженіе памятника въ г. Галѣ, присовокупивъ, что эта коммиссія адресуется къ Россіи, такъ какъ Серве почиталъ ее всегда своею второю родиной. Послѣ изъясненія сихъ чувствъ мнѣ остается только просить всѣхъ цѣнящихъ высокія заслуги и качества незабвеннаго въ исторіи искусствъ Серве и желающихъ участвовать въ подпискѣ, пожаловать въ Петербургъ въ канцелярію придворной пѣвческой капеллы у Пѣвческаго моста, гдѣ находится подписной листъ, ежедневно, отъ 10 часовъ утра до 2 пополудни, и въ Москвѣ въ нотный магазинъ Мейкова, на Кузнецкомъ мосту, гдѣ имѣется подписной листъ съ казенною печатью. *Директоръ придворной капеллы Н. Бахметевъ.*»

Отъ редакціи.—Въ 57 № Московскихъ Вѣдомостей напечатано слѣдующее «Извѣщеніе», подписанное именемъ г. Оле-Буля: «Въ № 9 газеты *Антрактъ* при перечисленіи концертовъ, имѣющихъ быть во время Великаго поста, сказано между прочимъ, что я намѣренъ дать три концерта. Считаю нужнымъ заявить, что я имѣлъ и имѣю въ виду дать только одинъ концертъ 13-го марта, и не знаю, откуда *Антрактъ* получилъ неосновательное извѣстіе, имъ сообщаемое. Оле-Буль.» Сообщенное нами извѣстіе заимствовано изъ источника совершенно достовернаго, хотя мы и сдѣлали оговорку, что сообщаемъ о концертахъ *предполагаемыхъ* и что поэтому списокъ ихъ можетъ видоизмѣняться. Какъ извѣстно, г. Оле-Буль даже отъ театральной дирекціи взялъ дозволеніе на два концерта, 13 и 21 Марта. Мы можемъ только пожалѣть, что г. Оле-Буль намѣренъ ограничиться однимъ только концертамъ.